

Направления совершенствования государственной экологической политики в регионах Юга России

Н.В. Медяник, Б.В. Медяник

В новейшей истории России параллельно с рыночными преобразованиями происходила адекватная трансформация институтов и механизма реализации национально-государственной экологической политики. Так, в 90-е годы в природохозяйственную практику были внедрены инструменты платности, внебюджетного финансирования (система экологических фондов), активно формировалось экологическое законодательство, реализовывались пионерные инициативы в области экологических страхования, аудита, корпоративного менеджмента.

В 2000-е гг. формировалась система стратегического планирования (Экологическая доктрина (2002), Основы государственной политики РФ в области использования минерального сырья и недропользования (2003)) и программирования (ФЦП «Экология и природные ресурсы (2002–2010)»), совершенствовалось экологическое законодательство, был ратифицирован ряд значимых международных документов (Киотский протокол (2004), Монреальский протокол (1987), Конвенция о биологическом разнообразии (1992), Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием (1994), Стокгольмская конвенция о загрязнителях органического происхождения (2001)). Наконец, экологические приоритеты, связанные с экологизацией производства, «экологией человека», «экологическим бизнесом» и сохранением природной среды, были заложены в ключевом документе страны «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ» (2008).

Современный период государственного экологического регулирования является таким же результативным, хотя и не лишен многочисленных противоречий, объективно сопровождающих трансформируемую природохозяйственную сферу страны. Так, за последние годы

Правительством РФ были утверждены «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» и План действий по ее реализации, приняты ряд государственных программ (например, Комплексная программа развития биотехнологий в РФ на период до 2020 года). Наряду с обозначенными документами институциональный базис долгосрочных национально-государственных и региональных инициатив в природохозяйственной сфере формируют Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года, Стратегия развития Арктической зоны, Климатическая доктрина РФ, Концепция развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года, Стратегия развития морской деятельности РФ до 2030 года, Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 года, Стратегия деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года, пр.

Между тем, к деструктивным тенденциям в экологической политике страны, по нашему мнению, следует отнести:

- затянувшуюся разработку и официальное утверждение Национальной стратегии устойчивого развития в соответствии с решениями Всемирного саммита ООН (2002) в качестве императивного вектора конструктивных экологических преобразований в экономике, политике, идеологии страны;
- неопределенность властно-имущественных отношений в сфере национального природопользования;
- перманентные преобразования и до сего дня существующую институциональную неопределенность органов экологического управления, равно как их функциональную неупорядоченность между уровнями власти;
- медленно трансформируемую и до конца не проработанную систему экологического нормирования в формате «наилучших доступных технологий» (НТД);

- слабую рентную направленность налогообложения природно-ресурсных секторов, равно как и отсутствие в фискальной системе страны «зеленых» налогов и налогово-кредитных преференций, стимулирующих экологические бизнес инициативы;
- неэквивалентность эмиссионных платежей размеру наносимого ущерба;
- скудное бюджетное и корпоративное финансирование природоохраны;
- неразвитость рыночных инструментов реализации экологической политики таких, как экологический аудит, страхование, сертификация, рынки эмиссий загрязнителей и природной недвижимости;
- отсутствие действенной системы экологического контроля на фоне весьма лояльных к нарушителям мер экономической ответственности;
- дефицит экологического воспитания, образования и, как следствие, низкая экологическая культура и ответственность бизнеса, домохозяйств и лиц, принимающих решение;
- отстраненность гражданских институтов от участия в разработке и реализации экологической политики страны.

Таким образом, содержательный анализ основ экологической политики России в целом свидетельствует о существенных мерах, предпринятых за последние два десятилетия, в контексте обоснования ключевых национально-государственных приоритетов, формирования законодательной базы, институтов управления и экономического механизма в природохозяйственной сфере страны. Между тем, незавершенность подобных преобразований делает национально-государственную политику слабо восприимчивой к глобальным «зеленым» трендам, а хозяйственную практику лишает эффективных инструментов, стимулирующих экологические инициативы.

По-видимому, не случайно, в одном из рейтингов, составленном при поддержке Всемирного экономического форума и представленном в 2012

году в Давосе, Россия имела замыкающие позиции среди 132 страны мира по степени успешности национальной экологической политики в 2000 - 2010 гг. [1].

Между тем, обозначенные на федеральном уровне противоречия тестируются в южнороссийских регионах, для которых экологическая проблематика имеет определяющее значение и очевидную специфику, детерминированную эмерджентным влиянием многочисленных социально-экономических, институциональных, культурно-исторических, экосистемных факторов, но, прежде, несовершенством реализуемой в этой части страны экологической политики.

Так, отсутствие действенной системы экологического контроля и низкие штрафные санкции к нарушителям порождают, в числе прочего, многочисленные факты браконьерского промысла. Его следствием, например, в Дагестане явилось исчезновение за последние 30 лет из животного мира республики кулана, тарпана, лося, зубра, леопарда; на грани истребления в Цейском заказнике РСО-Алания до недавнего времени находилась некогда самая крупная на Северном Кавказе популяция зубра, численность которой сократилась с начала 90-х годов с 270 до 30-43 особей [2]. Нерегламентированное природопользование служит причиной браконьерского вылова ценных пород рыб в Дагестанской части Каспия, по экспертным оценкам, в 20 раз превысившего выделяемые квоты [3], а также нелегальных рубок леса, ежегодный ущерб от которых в Карачаево-Черкесской Республике (КЧР) составляет более 3 миллионов долларов [4].

Неупорядоченность механизма присвоения в недропользовании порождает неопределенность имущественного статуса гидроминеральных месторождений, например, на Кавказских Минеральных Водах, а неразграниченность государственного контроля и надзора на 99% площади их залегания формализуют участие Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик (КБР), а также Ставропольского края, территориальную принадлежность к которым имеет курортный субрегион, в

отношениях недропользования, а также, среди прочего, являются причиной бесхозности и аварийного состояния скважин, порождая угрозу истощения запасов основных и базовых типов вод на федеральных курортах [5].

Непоследовательность, а во многих случаях непродуманность административных реформ в ходе реализации государственной экологической политики, также являются причиной деструктивных явлений в природохозяйственной сфере юга страны. Так, реорганизация национального лесоустройства в рамках вступившего в силу с 01.01.2007 года нового Лесного кодекса РФ привела к значительному уменьшению лесовосстановительных работ в южнороссийских регионах. Например, в КЧР объем подобных мероприятий на площади лесного фонда республики сократился с 300 га в 2006 году до 140 га в 2009 году [6].

Во многом состояние природохозяйственной сферы Юга РФ детерминировано отсутствием в стране упорядоченной системы отраслевых экологических регламентов, например, по типу отраслевых справочников «наилучших доступных технологий» (Best Available Techniques REferences – BREF) [7]. В подобных условиях фактором высокого экологического риска в таких регионах, как Республики Дагестан, Ингушетия, Чеченская выступают технологии добычи, хранения и транспортировки нефти; в КЧР мокрый способ производства цемента в ОАО «Кавказцемент», на долю которого приходится более 75% выбросов в общереспубликанском показателе [8].

Подобные природохозяйственные противоречия в развитии южнороссийских регионов предполагают очевидные конструктивные трансформации не только в обосновании приоритетов государственной экологической политики на юге страны, но также в механизме ее реализации.

Очевидно, что экологически ориентированное развитие южных регионов в координатах рыночного хозяйства, инноваций, институциональных факторов, ассоциированных форм присвоения экосистемных благ предполагают принципиально иные управленческие решения и действия на всех уровнях общественной структуры, обеспечивающие экономически

эффективное, социально ориентированное и экологически безопасное природохозяйствование.

Речь идет не столько об экологической коррекции государственной экономической политики и национальных стратегических приоритетов в практике хозяйствования и природопользования, сколько о принципиально ином подходе в государственном экологическом управлении, в том числе на юге страны, - экосистемном. Его основные принципы, рекомендованные 5-м совещанием Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии (г. Найроби, 2000), заключаются в следующем:

- задачи управления земельными, водными и биологическими ресурсами определяются обществом;
- управление должно быть, по возможности, максимально децентрализованным;
- органы управления экосистемами должны учитывать влияние своей деятельности на смежные или любые другие экосистемы;
- при определении возможных положительных результатов управления экосистема должна рассматриваться в экономическом контексте;
- главной особенностью экосистемного подхода является сохранение структуры и функций экосистемы;
- управление экосистемами должно осуществляться только в пределах их естественного функционирования;
- экосистемный подход требует соответствующих масштабов;
- учитывая изменчивость временных характеристик и возможность отсроченных последствий, свойственных экосистемным процессам, цели управления экосистемой должны быть долговременными;
- при управлении экосистемами необходимо учитывать неизбежность изменений;
- экосистемный подход должен стремиться к достижению адекватного равновесия между сохранением и использованием биологического разнообразия;

– экосистемный подход должен учитывать любые формы соответствующей информации, включая научные данные и местный опыт, нововведения и практические методы;

– экосистемный подход должен объединять все заинтересованные группы общества и научные дисциплины [9].

Государственная политика, основанная на указанном выше подходе, должна зиждиться на системной парадигме, предполагающей разноуровневый подход и принцип комплементарности в экологическом управлении, охватывая все уровни и ветви власти по поводу разработки, а также реализации общенациональной, однако регионально дифференцированной экологической политики.

В рамках подобной модели правомерно, по опыту США [10], создание Системы национального экологического партнерства (СНЭП) на добровольных началах. В ее рамках в соответствии с соглашениями на основе исполнения контрольных экологических показателей осуществляется выборочное делегирование на региональный уровень федеральных полномочий, которые могут быть отозваны в случае, если регион не выполнит взятые на себя обязательства. Основой модели являются ориентация на конечный результат и элемент подотчетности между федеральным - Министерством природных ресурсов и экологии РФ (МПРИЭ РФ) и ключевыми региональными органами исполнительной власти в области экологического управления. Последние согласовывают с МПРИЭ РФ целевые экологические показатели региона, оставляя за собой право свободного выбора методов достижения поставленных целей. Данный принцип следует положить в основу финансирования из Федерального экологического фонда, который следовало бы вновь воссоздать, экологических инициатив регионов с предоставлением последним права определения экологических приоритетов.

Поскольку природохозяйственная проблематика на Юге России, имеет общероссийское, общекавказское, собственно региональное измерения,

целесообразно рассмотреть возможности усиления «интеграционного» направления экологической политики в рассматриваемой части страны. Полагаем, что этому могут способствовать такие межрегиональные образования, как Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, Южно-Российская Парламентская Ассоциация, экономические ассоциации «Юг России» и «Северный Кавказ», а также создаваемые в их рамках специализированные институты, подобные окружным экологическим фондам, совместным экологическим концепциям развития южных территорий и окружным целевым экологическим программам. Кроме того, важным направлением реализации экологической политики на юге страны являются необходимые для обеспечения скоординированных действий региональных органов власти и управления институциональные преобразования, например, в формате Южного экологического партнерства с Координационным Советом, Исполнительным ведомством по разработке и реализации совместной экологической политики, а также с Экологическим фондом поддержки кризисных южнороссийских территорий.

Подобный формат межрегиональных сетевых взаимодействий в ходе реализации экологической политики на юге страны создает основу для внедрения кластерного механизма, формирования особых природоохозяйственных зон. Например, в контексте развития «зеленых» секторов и экосистемных индустрий можно рекомендовать организационное проектирование пространственно-отраслевых экологических (зеленых) кластеров и экосервисных зон, интегрированных в единый Южный экосервисный округ, формирующийся на базе уникальной сети горных и предгорных экосистем, национальных промыслов, природных ресурсов и экосистемных услуг, традиционного для народов Кавказа природопользования. К подобным межрегиональным «зеленым» кластерам могут быть отнесены, например, в горных республиках – кластер альтернативной энергетики и экологического туризма, в Республиках Калмыкия и Дагестан – кластер органического пастбищного хозяйства, в

Республиках Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия – кластер переработки природно-техногенных месторождений, в рамках сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ) - система кластеров экосистемных услуг (экозоны).

Экосистемный подход в реализации экологической политики, а также существенно дифференцированная по природным объектам и экосистемным параметрам практика хозяйствования на юге страны обуславливают разработку экосистемно детерминированного законодательства, направленного на регламентацию отношений имущественного присвоения, хозяйственного использования, воспроизводства и охраны экосистемных благ с учетом структурной и функциональной целостности экологических систем. Очевидно, что природохозяйственная практика в границах степных экосистем будет существенно отличаться от имущественно-хозяйственного присвоения экосистемных благ в горных территориях Юга России. Осознанность подобного подхода подтверждается как научными разработками, так и практическими действиями. Так, коллективом авторов в рамках инновационного проекта «Законодательство о степи – основа жизни и деятельности народов Евразии» предпринята разработка Степного кодекса РФ, направленного на рациональное использование степи как среды обитания, на совершенствование государственной политики сохранения и восстановления степи [11]. В ряде регионов Северного Кавказа, например, в Республике Дагестан и РСО-Алания имеется законодательство о горных территориях, которое, среди прочего, регламентирует хозяйственную практику природопользования в условиях высотной поясности.

Ранее отмечалось [12], что в целом совершенствование правовых и экономических методов экологического регулирования, следовало бы увязать со спецификацией имущественных прав на экосистемные блага юга России, а также с присвоением рентных доходов от их использования. Так, определённость имущественных прав на ассимиляционный потенциал южных экосистем как общественное благо позволит трансформировать

действующие платежи за загрязнения в налог на использование ассимиляционного потенциала. При этом его следует распространить на субъекты хозяйствования, внедрившие НТД, но, по-прежнему, оказывающих загрязняющее воздействие в южных регионах.

Эффективным инструментом реализации экологической политики на уровне корпоративных субъектов являются специальные налоговые режимы, которые на юге страны следует применить, прежде всего, в недропользовании с учетом большой выработанности месторождений углеводородов и рудных полезных ископаемых, а также в условиях горной местности. Например, выработанность месторождений ОАО «Ингушнефтегазпром» достигает 99%, эксплуатационные условия характеризуются труднодоступным горным рельефом, большими глубинами залежей (до 5,5 км) и огромным количеством (597 единиц) обводненных малодебитных скважин [13]. Кроме того, правомерен преференциальный фискальный режим при разработке новых месторождений углеводородного сырья в Каспийском море, а также при добыче твердых полезных ископаемых в труднодоступных горных территориях Кавказа, равно как и в целях привлечения к разработке ранее нерентабельных (забалансовых) месторождений минерального сырья малых и средних регионально-ориентированных компаний.

С целью стимулирования производства экосистемных услуг следует предусмотреть преференциальное налогообложение сельхозпроизводителей в случае, например, вывода земель из хозяйственного оборота под микрозаповедники, сохранения (восстановления) естественных пастбищ, лесовосстановления, пр. Подобным целям может служить бюджетное субсидирование экологически ориентированных бизнес проектов, например, в расчете на тонну товарной органической продукции, на 1 га сельхозугодий производителям, обеспечивающим соблюдение природоохранных критериев в применении ресурсосберегающих технологий и сохранении плодородия земель, пр. Конструктивную практику подобных и иных стимулирующих

инициатив можно заимствовать у стран ЕС, где в рамках реализации Общей сельскохозяйственной политики (САР) на период 2014-2020 гг. предполагается выделить фермерским хозяйствам, в основном в форме прямых выплат, более 100 млрд. евро для стимулирования экологически чистых направлений ведения сельского хозяйства таких, как органическая диверсификация сельскохозяйственных культур, поддержание продуктивности естественных пастбищ и консервация 5%, а в перспективе 7% сельхозземель с целью получения экологических выгод [14].

Очевидно, что рыночная трансформация природохозяйственной практики в южных регионах страны выводит исследование на поиск эффективных рыночно ориентированных институтов реализации экологической политики, к которым, ряд авторов [15], правомерно относит экологическое предпринимательство и экологический рынок, формирующие пространство для рыночного саморегулирования. Недаром в числе ключевых экологических приоритетов в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ» (2008) поименовано направление «экологический бизнес», связанное с созданием эффективного экологического сектора экономики.

В целях его стимулирования полагаем правомерным использование специальных налоговых режимов для субъектов экологического предпринимательства. Например, в части введенной с 01.01.2013 года патентной системы налогообложения для индивидуальных предпринимателей следует расширить перечень видов деятельности за счет включения всех сегментов экологически ориентированного бизнеса, не ограничиваясь, как ныне, услугами по зеленому хозяйству и декоративному цветоводству [16].

Конструктивным средством реализации экологической политики, особенно в условиях массивного антропогенного прессинга на природохозяйственную систему южных регионов, высокой ее хозяйственной освоенности, следует признать комплексное «зеленое» планирование, прежде

всего, компактной урбанизированной среды, например, в рамках модели «Смарт-развитие» (Smart growth).

Аналогичным инструментом экологической политики в контексте пространственного планирования может служить принцип «эко-бухгалтерии», направленный на реализацию мер экологической компенсации в ходе осуществления коммерческих проектов. В его рамках проводится оценка потенциальных территорий внутри региона (муниципального образования) на предмет проведения экологических реабилитационных мероприятий. Отобранные для подобных целей земли формируют т.н. компенсационный фонд. Осуществление восстановительных мер на таких участках оценивается в виде «эко-баллов», аккумулируемых на специальном виртуальном «экологическом счете» или в «экологическом реестре», ведение которого осуществляет распорядительный институт местного самоуправления, наделенный земельно-имущественными правами, например, комитет (управление, департамент) по муниципальной собственности при местной администрации. Спонсор проведения реабилитационных мер или муниципалитет могут затем использовать «эко-баллы» для осуществления коммерческих проектов в другой местности. Таким образом, подобный компенсационный механизм, с одной стороны, являет собой форму экологической платы самого инвестора за возможность реализации коммерческого проекта, с другой – выступает для него кредитом, предоставляемым спонсором реабилитационных мероприятий. Так, в Киршгарцхаузене (ФРГ), в качестве компенсации за строительство многофункционального стадиона (арена SAP) и производственных объектов крупной мебельной компании (ИКЕА), был высажен пойменный лес из деревьев твердых пород на площади 0,15 км², ранее интенсивно используемой в сельском хозяйстве [17].

Подобная практика имела место на Юге России в рамках реализации Олимпийских проектов со стороны ОАО «РЖД» при возведении сложного инфраструктурного объекта - главной пассажирской магистрали Игр-2014 -

совмещенной дороги Адлер — «Альпика–Сервис». Компания реализовала масштабную компенсационную природоохранную программу с целью минимизации воздействия строительства на природную среду Сочинского национального парка, в ходе которой в течение 2009 - 2011 годов была произведена высадка 334 274 экземпляров травянистых растений и 38 358 саженцев деревьев, занесенных в Красную книгу РФ. Кроме того, в целях возмещения ущерба водным биологическим ресурсам в соответствии с рекомендациями Азово-Черноморского территориального управления Росрыболовства ОАО «РЖД» профинансировало выпуск в реки Мзымта и Шахе более 2,5 млн штук молоди ценных видов рыб, занесенных в Красную книгу РФ, в том числе черноморского лосося, сазана, стерляди [18].

Таким образом, соглашаясь с авторитетным мнением по поводу того, что «для проведения эффективной эколого-экономической политики важно понимать уровень и соподчиненность проводимых мероприятий, масштаб и границы их воздействия» [19], следует признать, что во многом успех экологической политики на Юге России будет определяться, как способностью местной власти организоваться и управлять природохозяйственными процессами на подведомственной территории, а также экологической активностью бизнеса и домохозяйств, так и позицией федеральных и региональных органов власти, формирующих адекватную экологическим интересам государства, южных регионов и местного сообщества институциональную среду.

Литература:

1. Clark P., Tett G. Russia Found Failing on Pollution Curbs [Text] / Financial Times, January 23, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/scidig/12/jan2.ssi#12>
2. Зубров на Кавказе станет больше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wwf.ru/news/article/4443>
3. В этом году государственные инспекторы ЗКТУ выявили 2059

нарушений Правил рыболовства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.riadagestan.ru/news/2009/10/13/87173>

4. Гочияева, Л. Есть ли будущее у лесов Карачаево-Черкесии? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elbrusoid.org/content/society/p6912.shtml08-09-2003>

5. Эффективность использования гидроминеральной базы особо охраняемого эколого-курортного региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kmlive.ru/news/main/522-jeffektivnost-ispolzovanija-gidromineralnoj-bazy.html>

6. Комплексная программа социально-экономического развития Карачаево-Черкесской Республики на период 2010-2015 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kchr.info/>

7. Федорова, С.Н. Актуальные задачи современного этапа развития природопользования и технологического нормирования в сфере тепловой энергетики [Электронный ресурс] // «Инженерный вестник Дона». – 2011. - №3. – Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/485> (доступ свободный) – Загл. с экрана. – Яз. рус.

8. Загрязнения России. Южный федеральный округ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://geo.1september.ru/view_article.php?id=200801517

9. From Policy to Implementation. Decisions from the Fifth Meeting of the COP to CBD Nairobi, Kenya. [Text] - Montreal, 2000. - P. 35-41.

10. Краснопольский, Б.Х. Институты общественного (социального) партнерства в управлении природопользованием: опыт США [Электронный ресурс] // Право и безопасность. – 2008. - № 1 (26). – Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_22_12.htm (доступ свободный) – Загл. с экрана. – Яз. рус.

11. Умнова (Конюхова), И.А., Алешкова, И.А. Законодательство о степи – основа жизни и деятельности народов Евразии [Текст]: Инновационный проект / И.А. Умнова (Конюхова), И.А. Алешкова. - М., 2008. - 62 с.

12. Медяник, Н.В. Природопользование как объект экономического стимулирования [Текст] // Вестник ЧелГУ. - 2012. - № 8(262). - Сер. экономика. – Вып. 36. – С. 70-78.

13. Стратегия социально-экономического развития Республики Ингушетия на 2009-2020 годы и на период до 2030 года Постановлением Правительства Республики Ингушетия от 16.02.2009 г. № 49 Режим доступа: <http://экономри.рф/93/1324644317#attachments>

14. ЕС: В 2014-2020 годы - с новой, справедливой, аграрной политикой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agroconf.org/content/es-v-2014-20-gg-s-novoy-spravedlivoy-agrarnoy-politikoу> (дата обращения: 23.11.2013).

15. Новоселов, С.Н. Рынок экологических товаров и услуг: проблемы формирования и развития на региональном пространстве / С.Н.Новоселов [Электронный ресурс] // Инженерный вестник Дона (электронный журнал). - 2011.- №3. - Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3у2011/493> (доступ свободный).- Загл. с экрана.- Яз.рус.

16. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ). - Часть вторая. - Раздел VIII.1. Специальные налоговые режимы. - Глава 26.5. Патентная система налогообложения. - Статья 346.43., п. 2 Информационно-правовой портал «Гарант» Режим доступа: <http://base.garant.ru/10900200/41/>

17. Руководство по водным ресурсам и адаптации к изменению климата. – Женева: ЕЭК ООН, 2009. - С. 81. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://infoclimate.org/wp-content/uploads/2012/03/UNECE01_RUS.pdf

18. Внедрение стандартов «зеленого» строительства: 5-й отчет, декабрь 2012. – С.58 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sochi2014.blob.core.windows.net/storage/legacy/ecology/5-th_Green_Building_implementation_report.pdf

19. Приоритеты национальной экологической политики России [Текст] / под ред. В.М. Захарова. - М.: ООО «Типография ЛЕВКО», Институт устойчивого развития/Центр экологической политики России, 2009. - С. 18.